

ВЯЧ. В. ИВАНОВ

ТИПОЛОГИЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

1. Возрастающее внимание к типологическим исследованиям и стремление использовать результаты этих исследований при сравнительно-исторических реконструкциях составляет одну из отличительных черт современной индоевропеистики¹. Эту особенность сравнительно-исторических работ последних десятилетий никак нельзя считать случайной. Она объясняется тем, что все более отчетливо осознается единство языкознания и взаимосвязь различных его разделов, исследующих разные стороны одного явления — человеческого языка. Разрозненное изучение отдельных частей уступает место исследованию целого, что находит выражение в структурном анализе языковой системы, в широких типологических сопоставлениях систем разных языков и, наконец, в понимании самой науки о языке как единого целого, как целостной структуры, связанной с рядом смежных наук². Станвшее уже общепризнанным положение о том, что границы между науками превращаются в центры науки, справедливо не только применительно к связям языкознания с другими науками (математикой, психологией, поэтикой, историей), но и применительно к границам между отдельными лингвистическими дисциплинами. Учитывая место сравнительно-исторического языкознания среди дисциплин, исследующих отношения между языковыми системами³, можно понять значение этой области науки о языке не только для других традиционных разделов лингвистики, но и для новых, бурно развивающихся ее отраслей⁴. В свою очередь типоло-

¹ Ср., например: P. H a r t m a n n, Zur Typologie des Indogermanischen, Heidelberg, 1956; J. C h m i e l e w s k i, Uwagi o znaczeniu języków neindoeuropejskich dla nauki o języku, I, сб. «Rozprawy komisji językowej [Łódzk. t-wa naukowego]», t. I, Łódź, 1954; Z. R y s i e w i c z, Językoznawstwo porównawcze a badanie języków żywych, в кн.: Z. R y s i e w i c z, Studia językoznawcze, Wrocław, 1956, стр. 338—339; J. K n o b l o c h, Die historisch-komparative Methode und die allgemein vergleichende Methode, «Zeitschr. für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 9, Hf. 4, 1956; J. E l l i s, General linguistics and comparative philology, «Lingua», vol. VII, 2, 1958, стр. 171.

² Как правильно заметил еще 11 лет назад А. А. Фрейман, «в языкознании появилась и укрепляется тенденция уйти от мелких частных вопросов к целому, или, точнее, стремление не забывать, что частные вопросы приобретают свой настоящий смысл лишь когда перед ними стоит вопрос выяснения общего движения человеческой речи. Одни стремятся к целому на путях типологических сравнений сходных категорий различных систем или в структурной лингвистике, индоевропейцы стремятся выйти за рамки недавней сравнительной грамматики индоевропейских языков» (А. А. Ф р е й м а н, Хеттский язык в его отношении к индоевропейским, ИАН ОЛЯ, 1947, вып. 3, стр. 210).

³ См. четкую постановку этого вопроса в статье: W. S. A l l e n, Relationship in comparative linguistics, «Transactions of the Philological society», Hertford, 1953.

⁴ Ср., например, необходимость установления систем соответствий между языками как при сравнительно-исторической реконструкции праязыков, так и при конструировании языка-посредника для машинного перевода.

гические исследования соотношений между разными языковыми системами оказываются очень важными для теоретического обоснования и уточнения методов сравнительно-исторического языкознания и для проверки полученных благодаря этим методам результатов.

Современная индоевропеистика стремится установить относительную хронологию развития индоевропейских диалектов и тем самым избежать смешения фактов разных эпох, часто наблюдавшегося в работах младограмматиков. При решении этой задачи особое значение приобретают типологические закономерности, касающиеся соотношения между элементами структуры языка и позволяющие проверить правильность рассмотрения совокупности определенных явлений в одной хронологической плоскости¹. Роль таких типологических законов для установления вероятности реконструкций была подвергнута анализу в докладе Р. Якобсона на VIII Международном лингвистическом конгрессе в Осло (стр. 9—10)². В этом докладе типологические и сравнительно-исторические исследования рассматриваются с точки зрения концепции языка как единого структурного целого³. Р. Якобсон, как и все лингвисты, исходящие из понимания языка как системы, видит задачу типологических исследований не в сопоставлении разрозненных фактов, а в установлении общих законов, определяющих взаимоотношения разных элементов языковой системы⁴.

В своем докладе Р. Якобсон специально останавливается на методах, посредством которых могут быть выведены подобные законы (стр. 6—7). Он высказывает мнение, что богатый опыт науки о языке позволяет уже сейчас установить такие постоянные черты всех языков, универсальность которых едва ли будет поколеблена дальнейшими исследованиями. Речь идет об установлении законов статического соотношения между элементами языковой системы; такие законы выводятся на основании существующих описаний языков мира⁵. Все примеры, приводимые Р. Якобсоном, относятся к области фонологии. Достижения этой дисциплины, в развитии которой видную роль сыграли труды представителей пражской школы, позволяют уже сейчас использовать фонологическую типологию для проверки сравнительно-исторических реконструкций. Как отмечает Р. Якобсон, исследование какого-либо еще не изученного языка, структура которого противоречит ранее установленному типологическому закону,

¹ См. В. я ч. В. И в а н о в, О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов, «Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета (Ин-та языкознания АН СССР), посвященном дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка», М., 1957, стр. 34.

² Здесь и далее в тексте в скобках указываются страницы доклада Р. Якобсона (R. J a k o b s o n, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, «Reports for the Eight International congress of linguists», Suppl., Oslo, 1957).

³ См. оценку доклада Р. Якобсона в следующих статьях: В. Г е о р г и е в, Осмийт Международен конгрес на езиковедите, «Български език», год. VII, кн. 5, 1957, стр. 471; В. Н а в р а н е к, К. Н о р á л е к, Osmý Mezinárodní kongres lingvistů v Oslo, «Slovo a slovesnost», ročn. XIX, číslo 2, 1958, стр. 48. Cp. A. W. d e G r o o t, E. M. U h l e n b e c k, Some impressions of the VIII International congress of linguists..., «Lingua», vol. VII, 1, 1957, стр. 90—91; K. A m m e r, Der VIII International Linguisten-Kongreß, «Zeitschr. für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 10, Hf. 3, 1957, стр. 285—286 и стр. 279.

⁴ Cp. M. A. K. H a l l i d a y, Some aspects of systematic description and comparison in grammatical analysis, «Studies in linguistic analysis. Special volume of the Philological society», Oxford, 1957, стр. 65.

⁵ Исследование истории языков мира (а не их современного состояния) необходимо было бы не для установления таких законов, а для динамической типологии языковых систем, созданию которой должен предшествовать структурный анализ развития разных типов языков. Традиционные перечисления однотипных изменений (например, фонетических), имеющих место в разных языках, не могут заменить структурной динамической типологии, так как при подобных перечислениях не учитывается функциональная роль рассматриваемых явлений в системе каждого из сопоставляемых языков.

не опровергает этого закона, а заставляет считать его неуниверсальным законом, имеющим высокую статистическую вероятность, так как он действует во всех языках мира, кроме одного¹ (стр. 6). В других случаях вновь открытые данные заставляют лишь дать более точную формулировку открытому прежде закону (стр. 7). В качестве примера Р. Якобсон приводит предложенную им еще в 1922 г. в работе о чешском стихе формулу, определяющую несовместимость свободного динамического ударения и противопоставления долгих и кратких гласных.

В настоящее время Р. Якобсон предлагает новую формулировку указанного закона. Согласно этой формулировке, при сосуществовании фонологического ударения и фонологического противопоставления долгих и кратких гласных либо различие долгих и кратких осуществляется только в ударном слоге, либо ударение может падать только на долгий слог (или же, соответственно, только на краткий). Анализ фактов современного латышского языка позволяет, однако, предположить, что и новая формулировка Р. Якобсона нуждается в дальнейшем уточнении, а именно — в дополнительном указании различий слогового и словесного ударений. Современный латышский язык можно определить как язык со словесным динамическим ударением (не ограниченным началом слова), которое сосуществует со слоговым музыкальным; этим объясняется сосуществование количественных противопоставлений гласных (в любом слоге — ударном и безударном) и словесного динамического ударения (на любом слоге — долгом и кратком)².

Необходимость введения в данный типологический закон дополнительных указаний, касающихся определения отрезков, в пределах которых реализуются фонологические различия, не обесценивает его, а делает лишь более достоверным. Структурное понимание типологии заставляет искать такие закономерности, которые определяют соотношение возможно большего числа элементов языковой системы. Это оказывается возможным потому, что, как заметил еще Сепир, «особенности языковой структуры, вполне мыслимые в обособлении друг от друга и, казалось бы, не находящиеся теоретически в необходимой взаимосвязанности, обнаруживают тем не менее тенденции сгруппировываться»³; ср., например, структурную связь музыкального ударения, односложности и одноморфемности слова, чисто реляционного грамматического типа и изолирующей техники в ряде языков Юго-Восточной Азии и Африки. Подобные факты позволяют думать, что в будущем окажется возможным установление таких типологических моделей языков, наложение которых на реконструируемые системы будет служить надежной гарантией достоверности реконструкции (поскольку каждая из частей системы реконструируется порознь и поэтому типологическая взаимосвязь этих частей не зависит от методов реконструкции). Но при современном состоянии разработки общей типологии языковых систем такая задача может быть осуществлена лишь по отношению к фонологическим системам (в меньшей степени применительно к грамматическим системам). Поэтому идеи своего доклада Р. Якобсон иллюстрирует типологической проверкой реконструкций индоевропейской фонологической системы (стр. 9).

¹ О необходимости четкого различения черт, присущих всем языкам мира и человеческому языку вообще, и черт, встречающихся в большинстве языков (или во всех языках), но не вытекающих из структуры человеческого языка, см.: А. W. de Groot, E. M. Uhlenbeck, указ. соч., стр. 91.

² Вяч. В. Иванов, О прерывистой интонации в латышском языке (статья печатается в сборнике в честь Я. М. Эндзелина). О фактах эстонского языка, типологически сходных с соотношениями в латышском, см.: P. A r i s t e, Fonetilisi probleemid eesti keele alalt, Tartu, 1947, стр. 9—41.

³ Э. Сепир, Язык, М., 1934, стр. 113.

2. Исходя из общефонологической закономерности, согласно которой вероятно тройственное противопоставление глухих, звонких и глухих придыхательных фонем (типа $t-d-th$), но не глухих, звонких и звонких придыхательных (типа $t-d-dh$), Якобсон указывает на необходимость пересмотра фонологической характеристики трех рядов индоевропейских согласных фонем. В индоевропейистике младограмматического периода этот вопрос не ставился, так как для индоевропейского (по образцу древнеиндийского) предполагалось наличие четвертого ряда — глухих придыхательных (th). Но принятие ларингальной теории, объясняющей глухие придыхательные как результат развития сочетаний глухих и «ларингального», привело к устранению этого четвертого ряда из реконструированной системы. Однако по-прежнему сохранялась интерпретация третьего ряда как звонких придыхательных. Такое толкование было некритически воспринято у лингвистов, реконструировавших индоевропейский праязык по образу и подобию санскрита. Гипотезы, предлагавшие (на основе данных греческого и итальянских языков) видеть в реконструируемом третьем ряду не звонкие, а глухие придыхательные (или спиранты), не встретили должного внимания. Но типологические доводы, приведенные в докладе Р. Якобсона, показывают, что и в этом пункте необходимо отойти от младограмматической концепции праязыка.

Анализируя место придыхательных фонем в индоевропейской фонологической системе, Р. Якобсон показывает, что наличие придыхательных может служить доводом в пользу наличия «ларингального» (или фонемы h). Эту точку зрения он подтверждает анализом дальнейшего развития тех диалектов, в которых исчезнувший «ларингальный» не был заменен h иного происхождения и в связи с этим осуществилось совпадение придыхательных и непридыхательных. Если, таким образом, Р. Якобсону удастся привести новый веский довод структурного характера, говорящий в пользу ларингальной теории, то вместе с тем он высказывается на основании типологических соображений против гипотезы, согласно которой в эпоху существования ларингальных в индоевропейском имела лишь одна гласная. Для типологического обоснования гипотезы о существовании в индоевропейском одной гласной в последнее время приводятся данные абхазско-адыгских языков¹, но консонантизм этих языков на несколько десятков фонем богаче системы согласных, реконструированной для индоевропейского.

В новейших работах А. Мартине и Э. Бенвениста высказывалось предположение, что реконструированная система согласных является слишком бедной, в связи с чем предлагаются новые согласные фонемы (лабиоларингальный и другие типы ларингальных, кроме трех или четырех, предполагаемых обычно ларингальной теорией, особый ряд аффрикат, фонема, давшая хеттское z в отличие от $\check{s} < *s$, и т.п.). Однако эти реконструкции еще недостаточно подкреплены самим индоевропейским материалом: число «ларингальных» может быть значительно уменьшено без усложнения теории²; принятию особого ряда аффрикат (интердентальных спирантов Бругмана) противоречат данные анатолийских и «тохарских» языков, где в соответствующих словах отражены сочетания согласных с нередуцирован-

¹ W. S. Allen, Structure and system in the Abaza verbal complex, «Transactions of the Philological society», Hertford, 1956, стр. 172; A. Martinet, Les «laryngales» indo-européennes, «Reports for the Eight International congress of linguists», vol. 1, 1957, стр. 144—145.

² Ср. В. Я. В. Иванов, Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии, «Вестник МГУ», Ист.-филол. серия, 1957, № 2. О типологической интерпретации индоевропейской системы согласных фонем см. там же, стр. 46.

ным гласным между ними¹; наконец, хеттское *z* нельзя с достоверностью отделить от *ž* на основании графических данных (ср. смещение *z* и *ž* в ряде хеттских слов и в системах клинописи, близких к хеттской). Типологические сопоставления исключают возможность реконструкции для индоевропейского консонантизма столь бедной системы, как, например, восьмифонемная гавайская или таитянская², так как подобная система предполагала бы наличие более богатого вокализма, для реконструкции которого нет внутренних оснований. Нельзя, однако, считать обязательным увеличение числа реконструированных согласных фонем до абхазско-адыгского типа. Можно предложить другое типологическое истолкование древнейшей индоевропейской фонологической системы, исходящее из того, что в более поздний период (после фонологизации чередований гласных) индоевропейская система фонем характеризовалась тройственным делением на гласные, сонанты и согласные³. Эту тройкую систему можно возвести к более древней, характеризовавшейся только двойственным противопоставлением согласных и сонантов, которые, следовательно, играли роль гласных, тогда как гласная *e/o* (не расщепившаяся еще на две гласные) не выступала в функции особой фонемы. Если принять такое объяснение, то отпадет выдвинутое Р. Якобсоном типологическое возражение против изображения развития индоевропейских гласных, соответствующего ларингальной теории. Подвергая структурному типологическому анализу реконструированную индоевропейскую фонологическую систему, Р. Якобсон выступает против восходящего к некоторым формулировкам Ф. де Соссюра понимания индоевропейских фонем, согласно которому считается нужным указать лишь номер каждой фонемы в каталоге, не определяя ее фонетической природы. По словам Якобсона, «в настоящее время мы одинаково далеки от наивного эмпиризма, мечтавшего о фонографической записи индоевропейских звуков, и от его противоположности — агностического отказа от исследования структурных соотношений между индоевропейскими фонемами и робкого сведения их системы к простому перечню номеров» (стр. 10). Реалистический подход к технике реконструкции, согласно Якобсону, состоит в последовательном ретроспективном движении от позднейших состояний языка к более древним при структурном исследовании каждого из этих состояний и при учете типологических данных (стр. 10). Эти методы применимы не только при анализе системы, реконструированной на основании сравнения разных языков (например, индоевропейских), но и при внутренней реконструкции доисторического состояния одного языка. Так, сформулированное в докладе Якобсона положение о том, что не существует языков, в которых не было бы смычных, хотя имеются языки, в которых нет фрикативных⁴ (стр. 7), использовано в его последней работе о нивхском языке при реконструкции (на основе анализа морфонологических чередований) доисторической системы, не знавшей различия смычных и фрикативных в начальном положении⁵.

¹ См. Вяч. В. Иванов, Проблема ларингальных, стр. 46, примеч. 5.

² См. об этих системах А. Г. Н а u d r i c o u r t, La géographie des consonnes dans l'Océan pacifique, «Compte-rendu sommaire des séances de la Société de biogéographie», t. 23, № 202, 1946.

³ Относительно типологической параллели такому тройственному делению (отличному от более обычного двойного деления на согласные и гласные) см. Вяч. В. Иванов, Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, ВЯ, 1957, № 3, стр. 71, примеч. 3.

⁴ Существование языков, в которых различие смычных и спيرانтов не играет существенной роли, было открыто Е. Д. Поливановым (см. Вяч. В. Иванов, Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, стр. 71).

⁵ См. R. J a k o b s o n, Notes on Gilyak, «The bull. of the Institute of history and philology of the [Academia sinica]», vol. XXIX, 1958, стр. 278—279. Развитие гильяцких префиксов транзитивных глаголов, потеря которых привела к возникновению противопоставления смычных и фрикативных в начальном положении, Якобсон со-

3. Хотя применение типологических законов для проверки правильности реконструкций Якобсон в своем докладе иллюстрирует лишь фонологическими примерами, он указывает, что сходные методы, по-видимому, могут быть приложены и к анализу грамматической структуры языка (стр. 6 и 9). Действительно, представляется несомненным, что и здесь могут быть установлены типологические соотношения между элементами языковой структуры, позволяющие проверять вероятность реконструируемой системы. Так, отмеченные еще И. Шмидтом особенности индоевропейских форм множественного числа позволяют реконструировать такое соотношение между категориями числа и рода, которое подтверждается выведенной на основании данных различных языковых семей формулой: «Если, и только если в языке существует противопоставление одушевленного (активного) и неодушевленного (пассивного) класса имен, то формы множественного числа могут иметься лишь у имен активного класса»¹. В языках, где наблюдается такое соотношение, можно обнаружить и другие сопутствующие ему типологически сходные черты; так, реконструированный индоевропейский и алгонкинские языки обнаруживают сходство не только в нейтрализации противопоставлений чисел у имен пассивного класса, но и в имеющемся в указательном местоимении (но не в имени) различении форм мужского и женского рода².

Функциональная роль грамматического противопоставления категорий активности (одушевленности) и пассивности (неодушевленности) в индоевропейской морфологической системе доказывается не только при исследовании категории числа, но и при анализе индоевропейской падежной системы, где противопоставление падежа на *-s и падежа без приметы *-s осуществляется только у имен активного класса и нейтрализуется у имен пассивного класса (ср. наличие архаичной формы родительного падежа на *-om > -an только у имен одушевленного рода в хеттском). Типологическое сопоставление индоевропейского падежа на *-s и эргатива в ряде неиндоевропейских языков явилось предметом многочисленных исследований (ср., напр., вышедшие в последнее время работы Вайана, Пизани, Кноблоха). Но при этом обычно не учитывалась в достаточной мере иерархия падежей, значение которой (как и иерархии других языковых явлений) подчеркивает в своем докладе Якобсон, указывающий, что в этом отношении оказывается устарелым даже «Курс общей лингвистики» Соссюра (стр. 5).

Невнимание к иерархическим отношениям между падежами не давало ранее возможности обнаружить одно из существенных свидетельств эр-

поставляет с типологически сходным развитием в кельтских языках и в некоторых языках Западной Африки (там же, стр. 273, примеч. 41); ср. также отражение древних тибето-китайских различий между префиксальными и непрефиксальными (транзитивными и интранзитивными) глаголами в фонологическом различии тонов в китайском.

¹ Ср. указанные выше тезисы доклада автора «О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов», стр. 34. Ср.: G. Rouen, *Die nominalen Klassifikations-Systeme in den Sprachen der Erde*, Wien, 1929, стр. 205 и 513; И. М. Тронский, К семантике множественного числа в греческом и латинском языках, «Уч. зап. [ЛГУ]», Серия филол. наук, вып. 10, 1946, стр. 61—62, примеч. 1. Ср. также отсутствие особых окончаний множественного числа в индоевропейской серии глагольных форм, развившейся в хеттское спряжение на -hi и хеттский медиопассив и перфект в других индоевропейских языках и функционально соответствовавшей неодушевленному (пассивному) классу имен.

² См. литературу вопроса, указанную в интересной работе Л. Ельмслева: L. Hjelmslev, *Animé et inanimé, personnel et non-personnel*, «Travaux de l'Institut de linguistique», vol. 1, Paris, 1956, стр. 171—172. Представляется, что Ельмслев преуменьшает сходство индоевропейских и алгонкинских языков, поскольку он исходит из теории о существовании в индоевропейском различия трех родов, преобразованного в двойное противопоставление в хеттском. Однако отсутствие формального различия мужского и женского родов в именном склонении характерно не только для алгонкинского (ср. там же, стр. 172), но и для индоевропейского.

гативной функции индоевропейского падежа на *-s*, недавно указанное А. Мартине в его содержательной работе о значении структурной лингвистики для сравнительно-исторической морфологии индоевропейских языков¹. Таким свидетельством является маркированная (отмеченная) характеристика падежа, который обладает приметой *-s* и противопоставлен падежу с нулевым окончанием, т. е. немаркированному. Эти формальные особенности данных падежей в плане выражения противоречат их соотношению в плане содержания в древних и новых индоевропейских языках, где винительный падеж по своей функции является маркированным, а именительный падеж — немаркированным (падежом, не связанным с одной определенной функцией; ср. использование именительного падежа в качестве словарной формы существительного). Это противоречие (которое было устранено во многих индоевропейских языках благодаря утрате приметы *-s*) находит объяснение в том, что падеж на *-s* в более древнюю эпоху был эргативом, т. е. маркированным падежом с функцией обозначения деятеля, тогда как падеж без показателя *-s* указывал лишь на отсутствие обозначения деятеля, ибо был немаркированным как в плане выражения, так и в плане содержания². Правильность такой интерпретации подтверждается типологическим сопоставлением с языками с эргативной конструкцией (ср., например, наличие особой приметы у маркированного падежа-эргатива в хурритском и урартском при отсутствии окончания в единственном числе у падежа, противопоставленного эргативу³).

Для индоевропейской глагольной системы опыт структурного анализа, учитывающего типологические соотношения между категориями времени и вида, был недавно предложен Е. Куриловичем⁴. Особенность метода, используемого Е. Куриловичем, заключается в том, что он устанавливает максимально полную систему видовых и временных категорий, все члены которой могут иметься лишь в некоторых языках (например, в английском и в хеттском), тогда как в других языках имеются лишь некоторые из возможных категорий. Но общая схема, учитывающая все возможности, позволяет объяснить переход от одного состояния глагольной системы к другому. Представляется, что подобный же путь построения полной системы, которая включала бы все элементарные значения, встречающиеся в различных языках, мог бы сделать возможным типологическое исследование семантических систем в лексике, но такая задача может быть выполнена лишь по отношению к какой-либо ограниченной области значений⁵.

¹ A. Martinet, *Linguistique structurale et grammaire comparée*, «Travaux de l'Institut de linguistique», vol. 1, 1956, стр. 13—16.

² Различие между маркированным характером эргатива и немаркированным характером неэргативного падежа в языках с эргативной конструкцией, с одной стороны, и немаркированным характером именительного падежа и маркированным характером винительного падежа в языках типа русского, с другой, было проанализировано с точки зрения структурной лингвистики в работе Якобсона: R. Jakobson, *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 6, 1936, стр. 249 и стр. 254. Об изоморфности маркированности и немаркированности падежей в плане выражения и в плане содержания ср.: R. Jakobson, *The relationship between gender and plural in the declension of Russian nouns*, «Scando-slavica», III, 1957.

³ Окончание, имеющееся во множественном числе у этого падежа в урартском (но не в хурритском), является урартским новообразованием.

⁴ J. Kurylowicz, *L'apophonie en indo-européen*, Wrocław, 1956, стр. 24—35; *его же*, *Aspect et temps dans l'histoire du persan*, «Rocznik orientalistyczny», t. XVI, 1953.

⁵ Здесь снова оказывается уместным сопоставление с проблематикой машинного перевода. Подобно тому, как историческое соотношение разных состояний языка может быть описано благодаря использованию общей системы языковых категорий, перевод может быть осуществлен благодаря соотносению различных языковых систем с полной системой всех возможных значений, используемой в качестве языка-посредника.

Можно предположить, что дальнейшие типологические исследования сделают возможным не только сопоставление морфологических категорий в пределах одной части речи (имени или глагола), но и сопоставление грамматических соотношений между разными частями речи, что в какой-то мере даст возможность привлечь при сопоставлении и синтаксическую структуру языка. Но в настоящее время такие сопоставления могут быть лишь приближенными. Так, реконструируемая древнейшая индоевропейская система (до образования эргатива из сочетания имени с указательным *s-) с характерными для нее отсутствием именного склонения, развитостью глагольных форм, включающих местоименные показатели, и использованием особых элементов именного происхождения, выступающих в роли превербов, наречий и послелогов (или предлогов), напоминает аналогичные черты такого языка, как абхазский.

Для сравнительно-исторического синтаксиса типологические исследования приобретают особое, едва ли не главенствующее значение. Недостаточная разработанность этой области в сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков в значительной мере связана с невниманием к типологическим исследованиям, преодолеваемым лишь в самое последнее время¹. При анализе синтаксических явлений типологические сопоставления могут подсказать объяснения, лишь впоследствии подтверждаемые сравнением с родственными языками. Так, вторичность использования индоевропейского *yo- в качестве относительного местоимения была предположена главным образом на основании типологических сравнений с функционально сходными элементами в неиндоевропейских языках²; этимологическая связь этого местоимения с хеттским энклитическим союзом *ia* «и, также» и «тохарской А» энклитикой *yo* «и» подтверждает правильность этой гипотезы³.

4. При установлении статических закономерностей, определяющих соотношения между элементами языковой структуры, не ставится вопрос о том, предшествует ли один языковой тип другому в процессе развития различных языков. Однако постановку такого вопроса нельзя считать заранее исключенной. При его исследовании (как и при установлении статических типологических законов) полезными оказываются данные, относящиеся к развитию детской речи и к речевым расстройствам. Эти важные области изучения языка все еще не привлекают в должной мере внимания лингвистов, хотя за последние десятилетия здесь были накоплены очень ценные материалы, в частности, благодаря исследованиям советских ученых (ср. ставшие классическими труды Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, А. Н. Гвоздева). В работах Р. Якобсона лингвистический анализ афазий и детской речи использован для исследования структуры как фонологических, так и грамматических систем⁴. Значение этих новых материалов для пересмотра ставших традиционными концепций может быть показано на вопросе о местоимениях. Согласно воззрениям, унаследованным от Гум-

¹ См., например, очень ценную статью: E. Benveniste, La phrase nominale en indo-européen, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. XLVI, fasc. 1, 1950.

² См. J. Gonda, The original character of the Indo-European relative pronoun *io-*, «Lingua», vol. IV, 1, 1954.

³ Ср. В. Я. Ч. В. Иванов, К изучению лексики лувийского языка (статья печатается в сборнике в честь Д. Дечева).

⁴ См. обобщение результатов исследований Р. Якобсона в этой области в книге: R. Jakobson, M. Halle, Fundamentals of language, 's-Gravenhage, 1956. Следует отметить, что в докладе на конгрессе в Осло вопросы афазий и детского языка Якобсоном вообще не рассматриваются. Уже поэтому представляется совершенно необоснованной критика в статье Б. А. Серебренникова, подменяющего анализ доклада Р. Якобсона на конгрессе в Осло замечаниями по поводу изданной 15 лет назад книги, которая имеет лишь косвенное отношение к содержанию доклада.

больдта и других ученых XIX в., местоимения считались принадлежавшими к древнейшим частям человеческого языка. Этому, однако, противоречит то, что местоимения усваиваются ребенком позднее других классов слов и утрачиваются ранее других элементов структуры языка при расстройствах речи. Приведенные данные, а также новое понимание природы местоимений как сложных категорий, в которых перекрещиваются код (система языка) и сообщение (высказывание), заставили Р. Якобсона отказаться от традиционного представления об изначальной древности местоимений¹. Этот вывод согласуется с результатами типологического сопоставления индоевропейского с австралийским языком аранта в работе А. Sommerfeldta, показавшего, что в таких языках, как аранта и, возможно, древнейший индоевропейский, местоимения как особый класс слов отсутствуют². Согласно гипотезе Sommerfeldta, подобное явление характерно для определенного (очень архаичного) уровня развития культуры.

Непосредственное соотнесение того или иного грамматического типа с известными культурно-историческими или социальными явлениями оказывается возможным лишь в крайне ограниченном числе случаев (например, при сопоставлении более сложных синтаксических структур, развивающихся в связи с появлением литературы и письменности, и архаичных синтаксических норм, им предшествующих³; при сопоставлении разных типов языкового выражения систем счета и др.). Следует обратить внимание на то, что отражение древнейшей индоевропейской системы счета в тождестве суффиксов порядковых числительных и форм степеней сравнения прилагательных, позволяющее сравнить эту систему с древнеегипетской⁴, может быть использовано для соотнесения определенных языковых и культурно-исторических явлений. Однако за исключением таких сравнительно редких случаев остается в силе утверждение Сепира об отсутствии связи между грамматическими типами и ступенями культурного развития⁵. Внеязыковые факторы отражаются не непосредственно на соотношении элементов языковой структуры (если исключить лексические элементы и некоторые грамматические), а опосредствованно — в путях перехода от одного типа к другому.

Следует согласиться с Р. Якобсоном, когда он говорит о том, что каждое изменение первоначально происходит в плане синхронии⁶ (стр. 8—10). Именно такое понимание языкового развития, осуществляющегося во время функционирования языка в процессе коммуникации, делает особенно важным использование достижений структурной лингвистики при изучении истории языков и реконструкции их доисторических состояний.

¹ R. Jakobson, Shifters, verbal categories and the Russian verb, «Russian language project», Harvard university, 1957, стр. 1—3.

² A. Sommerfeldt, Quelques réflexions sur l'origine des pronoms indo-européens, «Revue des études indo-européennes», t. 1, fasc. 2—4, 1938. Ср. Вяч. В. Иванов, Код и сообщение, «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», № 5, М., 1957, стр. 49.

³ Как показывают работы А. Р. Лурия, и в этом отношении исследование афазий дает очень интересные параллели истории известных по письменным памятникам языков (см. А. Р. Лурия, Brain disorders and language analysis, «Language and speech», vol. I, pt. 1, 1958, стр. 26).

⁴ E. Benveniste, Noms d'agent et noms d'action en indo-européen, Paris, 1948; С. Д. Кацнельсон, Историко-грамматические исследования, М.—Л., 1949, стр. 137—138, 237, 243 и сл.

⁵ Э. Сепир, указ. соч., стр. 172.

⁶ Ср. детальный анализ этой проблемы в интересной монографии: E. Coseriu, Sincronía, diacronía e historia. El problema del cambio lingüístico, Montevideo, 1958.